

УДК 327

Осипова С. А.

ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НЕПРИЗНАННЫХ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ ПРОТИВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЬЮНКТУРЫ

В статье представлена сравнительная характеристика исторических форм и моделей государственности, существовавших на территориях постсоветских непризнанных государств в разные исторические эпохи. Автор приходит к выводу об исторической обусловленности образования Нагорно-Карабахской Республики, Приднестровской Молдавской Республики, Республики Абхазия и Республики Южная Осетия и рассматривает образование самоопределившихся республик как акт восстановления исторической справедливости.

Ключевые слова: непризнанные государства, самоопределившиеся республики, историческая справедливость.

Осипова С. А. Історико-політологічне обґрунтування державності невизнаних: історичні факти проти політичної кон'юнктури.

У статті представлена порівняльна характеристика історичних форм і моделей державності, що існували на територіях пострадянських невизнаних держав у різні історичні епохи. Автор приходиться до висновку про історичну обумовленість створення Нагірно-Карабахської Республіки, Придністровської Молдавської Республіки, Республіки Абхазія та Республіки Південна Осетія і розглядає створення республік, що самовизначилися, як акт відновлення історичної справедливості.

Ключові слова: невизнані держави, республіки, що самовизначилися, історична справедливість.

Osipova S. A. Historical and political science study of unrecognized statehood: historical facts against the political situation.

The article presents comparative description of statehood historical forms and models, which existed in different historical periods on territory of post-Soviet unrecognized states. The author concludes that Nagorno-Karabakh Republic, Pridnestrovian Moldavian Republic, Republic of Abkhazia, Republic of South Ossetia appearance is logical and historical justice recovery.

According to the author, in the 1990-s, the world faced a new political reality: after the Soviet Union collapse, together with the newly independent states, which became the successor republics of the Soviet Union, there emerged four more state formations not internationally recognized, but having, nevertheless, all the attributes of the statehood and real sovereignty within their territories, which allowed them to function successfully for more than two decades, to demonstrate to some extent their progressive development and prove their justifiability. As a result of the struggle of the Nagorno-Karabakh Republic, the Pridnestrovian Moldovan Republic, the Republic of Abkhazia and South Ossetia for independence and international recognition a new relatively stable geopolitical reality arose in the south-eastern periphery of Europe in the early XXI-st century.

Basing on the analysis of the political history events the author comes to the conclusion that all, without any exception, unrecognized post-Soviet states had some historical experience of independent statehood in different historical periods and in different political forms. On the eve of the Soviet state collapse, under the political circumstances of that time, peoples who proclaimed independence outside the framework of the Union republics they used to live in had to make choice: either an independent statehood and struggle for independence or discrimination up to its most extreme form – genocide.

The history of formation and development of the unrecognized state entities within the post-soviet space is directly related to the question of the right of the people or a nation to self-determination, so the problem of unrecognized states should be assessed from the point of view of the possibility of the development of peoples or nations inhabiting them. The events of political history provoked by the collapse of the socialist federations, including the Soviet Union, and associated with the newly independent states emergence in the last decade of the XX-th century testify to the effectiveness of the socio-political development laws.

Key words: unrecognized states, gain independence republic, historical justice.

В 1990-х годах мир столкнулся с новой политической реальностью: на обломках СССР кроме новых независимых государств, ставших правопреемниками советских союзных республик, возникли еще четыре государственных образования, не получившие международно-правового признания, но обладающие, тем не менее, всеми атрибутами государственности и реальным суверенитетом на своей территории, что позволило им на протяжении более двух десятков лет успешно функционировать, в определенной мере демонстрировать поступательное развитие и доказывать свою состоятельность. В результате борьбы Нагорно-Карабахской Республики, Приднестровской Молдавской Республики, Республики Абхазия и Республики Южная Осетия за независимость и международное признание к началу XXI в. на территории юго-восточной периферии Европы сложилась новая сравнительно устойчивая геополитическая реальность. Устойчивость новых политических реалий, на наш взгляд, объясняется, в первую очередь, исторической обусловленностью возникновения на постсоветском пространстве непризнанных государств.

Признанными экспертным сообществом основаниями для начала процесса образования новых государств в большинстве случаев служат: историческая справедливость, право на самоопределение, притеснения на национальной (этнической, расовой) почве.

Для лучшего понимания процессов, приведших к появлению в 1990-е годы на политической карте постсоветского пространства такого значительного количества непризнанных государств, необходимо исследовать факты существования на их территории исторических форм и моделей государственности, т. е. ответить на вопрос, существовала ли в их границах в тот или иной исторический период самостоятельная государственность. В рамках обозначенного подхода речь может идти об утрате и возрождении государственности, и, как нам видится, факт существования на тех или иных территориях имевших место в истории государств можно рассматривать как историческую предпосылку возникновения на них непризнанных государственных образований конца XX – начала XXI вв. Это, по мнению самоопределившихся народов, своего рода акт восстановления исторической справедливости.

К концу 1980-х годов три постсоветских непризнанных государства, расположенных на Кавказе, имели автономный статус внутри Грузинской и Азербайджанской союзных республик, Приднестровье в обозначенный период истории не было выделено как административно-территориальная единица и входило в состав Молдавской ССР отдельными районами и горсоветами.

Одним из базовых противоречий в подходах к оценке политико-правовых обоснований приднестровской государственности, сложившихся в политической науке, является вопрос об исторических условиях вхождения территорий Молдовы и Приднестровья в единое государство: представители кишиневской школы считают левобережные районы Днестра неотъемлемой частью Республики Молдова, приднестровские же политологи настаивают на том, что до 1940 г. Приднестровье и Молдова никогда не составляли единого молдавского государства, а образование Молдавской ССР являлось искусственным политическим шагом, вызванным конъюнктурой политического процесса рубежа 1930–1940-х годов. При этом неоспоримым является факт существования с 12 октября 1924 г. по 1 августа 1940 г. на территории Приднестровья самостоятельной государственности – Молдавской Автономной

Советской Социалистической Республики. 12 октября 1924 г. III сессия Всеукраинского Центрального Исполнительного комитета восьмого созыва приняла решение об образовании МАССР в составе Украинской ССР. В республику вошло одиннадцать районов. Площадь МАССР составляла 8,1 тыс. км², население – 545,5 тыс. человек. Столицей был сначала г. Балта, а с 1929 г. – г. Тирасполь [1, с. 34].

В годы интервенции и гражданской войны правобережные районы Днестра – Бессарабия – были оккупированы королевской Румынией. Советское правительство никогда не признавало присоединения Бессарабии к Румынии, Советский Союз всегда считал ее своей территорией. В советских школьных учебниках упоминался интересный факт: при составлении первой карты Советского государства В. И. Ленин предложил заштриховать на ней территорию Бессарабии красными линиями, так как она являлась частью страны, границей МАССР с запада и юго-запада считать линию по Пруту и Дунаю, а реальную границу по Днестру – временной демаркационной линией между Советским Союзом и буржуазно-помещичьей Румынией [6, с. 62–63]. Идея же создания молдавской автономии, возможно, коррелировалась с перспективой объединения «разделенного» Днестром молдавского народа в едином государственном образовании в составе СССР. Молдавская АССР, действительно, имела в качестве титульной этнической группы молдаван. Современная же ПМР, хоть и имеет в своем названии определение «молдавская», в реальности самим фактом своего возникновения и существования как де-факто независимого государства обязана скорее оппозиции по отношению к государству Молдова. Относительно места и роли молдаван в социальной структуре приднестровского общества следует отметить, что существует устойчивый паритет с двумя другими основными этническими группами – русскими и украинцами, каждая из которых представлена приблизительно третьей частью населения республики. Несмотря на приведенные факты, современные приднестровцы считают образование, становление и развитие МАССР неотъемлемой частью приднестровского опыта самостоятельного развития государственных институтов и других атрибутов государственности.

Однако на этот счет имеются и другие мнения. Так, абхазские ученые из исследовательской группы, возглавляемой Н. В. Багапш, считают, что сам факт существования Молдавской АССР на территории Приднестровья в 1920–1930-е годы никак не связан с сегодняшним приднестровским сепаратизмом, и последний не имеет ничего общего с теми задачами, которые преследовались советским руководством при выделении в составе Украины молдавской автономии. После присоединения в 1940 г. к СССР Бессарабии как основной этнической территории молдаван Молдавская АССР инкорпорирована в состав вновь образованной Молдавской ССР с ликвидацией автономного статуса за ненадобностью. В свою очередь, зародившееся в Приднестровье в конце 1980-х гг. сепаратистское движение не прослеживает какой-либо умоглядной этно-исторической связи с «приднестровской» автономией 1924–1940 гг., а наоборот, имея в своем составе более чем наполовину славянское население, Приднестровье в определенном смысле противопоставляет себя новому молдавскому (румынскому) этническому проекту [2].

Анализ же дореволюционной истории молдавского государства и приднестровских земель дает еще больше оснований для признания права приднестровцев на самостоятельную государственность, а признанная многими историками формула «один народ – два государства» относительно Приднестровья неуместна. Образование Молдавского княжества датируется летописными источниками 1359 г., а в грамоте господаря Романа Мушата от 1392 г. указывается, что он обладатель земли Молдавской от Карпатских гор до Черного моря с восточной границей по р. Днестр [5, с. 31, 34]. В первой половине XVI в. в Молдавии установилось османское иго. В отличие от других государств Юго-Восточной Европы, земли которых были завоеваны турками и включены в состав Османской империи, в Молдавском княжестве (как и в соседней Валахии) не было ликвидировано собственное государство, которое управляло внутренними делами страны: турецкие феодалы

не могли приобретать на территории княжества земельные владения и не занимались здесь государственным управлением. Турецкое владычество в Молдавии проявлялось в экономической, государственно-политической и военной формах. С начала XVIII в., по версии советской историографии, начинается совместная вооруженная борьба Молдавии и России против Османской империи [5, с. 86]. В этой связи необходимо упомянуть о Прутском походе Петра I и Луцком договоре от 13 апреля 1711 г. о военно-политическом союзе между двумя государствами. Однако русско-турецкая война 1711 г. не была для России успешной и не принесла молдавскому народу освобождения от турецкого владычества. Политический статус молдавского государства изменился в начале XIX в. по условиям Бухарестского мирного договора, подписанного по итогам русско-турецкой войны 1806–1812 гг., территория Молдавского княжества под названием Бессарабия вошла в состав Российской империи.

Политическая судьба приднестровских земель с конца I тыс. причудливо переплеталась с судьбами разных государственных образований, многие из которых были весьма влиятельными в европейской политике в те или иные исторические эпохи. В X в. Приднестровье, населенное славянскими племенами тиверцев и уличей, стало юго-западной окраиной Киевской Руси. В XI в. с юго-востока в Северное Причерноморье мигрировали половцы, которые на территории между Днестром и Дунаем образовали так называемую Черную Куманию, откуда они совершали опустошительные набеги в Византию, Венгрию и другие земли [1, с. 18]. Незначительная часть современного Приднестровья территориально входила в половецкое государственное образование. В период феодальной раздробленности на Руси днестровские земли были охвачены сферой влияния Галицко-Волынского княжества: время с середины XII и до начала XIII вв. стало временем нескончаемых междоусобиц, но к XIV в. Галицко-Волынская Русь окрепла и играла в Юго-Восточной Европе серьезную политическую роль [1, с. 18].

В результате монголо-татарского нашествия часть приднестровских земель вошла в состав Золотой Орды и в конце XIII в. стала родовым юртом темника Ногая, а часть осталась в составе Галицко-Волынского княжества [1, с. 20]. В начале XIV в. свою экспансию на Русь начало усилившееся Княжество литовское: в 1362 г. галицкие земли по левому берегу Днестра – Подолию – захватил Великий князь литовский Ольгерд, закрепив свои приобретения победой в битве у Синих Вод [1, с. 20].

В XV в. земли Приднестровья активно осваивались, но территория оставалась пограничной, и новые поселения изначально несли на себе печать военных опорных пунктов. Приднестровье в это время занимало стратегическое положение на стыке трех сильных государств – Польши, Крымского ханства и Османской империи. Все они без исключения имели серьезные политические интересы в Приднестровье. Начиная с середины XV в. приднестровские земли в разные периоды частично входили в состав и Речи Посполитой (на наш взгляд, не очень удачной конфедерации Королевства Польского и Великого княжества Литовского 1569 г.), и России (в 1654 г. в соответствии с решением Переяславской Рады Приднестровье вместе со всей Украиной было присоединено к российскому государству; правда, Андрусовское перемирие 1667 г. вернуло Приднестровье Польше), и Крымского ханства (в 1506 г. хан объявил всю Южную Русь своим родовым улусом), и Османской империи.

Во второй половине XVIII в. в борьбу за Северное Причерноморье активно включилась Россия. По Ясскому мирному договору, заключенному по итогам русско-турецкой войны 1787–1791 гг., земли между Южным Бугом и Днестром от р. Ягорлык и до Черного моря вошли в состав Российской империи [1, с. 26]. Таким образом, южные районы Приднестровья стали частью России, а уже в 1792 г. был заложен г. Тирасполь – будущая столица ПМР. В 1773 г. в результате второго раздела Речи Посполитой Россия включила в свой состав территории от Днепра и до Днестра. Теперь и северные районы Приднестровья вместе с Подолией вошли в состав российского государства.

С 1812 г. Приднестровье и Бессарабия, по прошествии вековой независимой друг от друга политической истории, стали частями одного государства, но не молдавского, а российского, и были таковыми до революционного 1917 г. Вывод о несовместимости политической истории Республики Молдова и Приднестровской Молдавской Республики, на наш взгляд, очевиден.

На момент распада СССР кавказские непризнанные государства имели собственные государственно-политическому статусы: Абхазия – более высокий статус автономной республики, входящей в состав Грузинской ССР, Южная Осетия и Нагорный Карабах – статус автономных областей внутри Грузии и Азербайджана соответственно.

Республика Абхазия имеет многовековую историю досоветской государственности. Предки абхазов появились на территории современного абхазского государства в результате миграции из Малой Азии задолго до н. э. В VIII в. образовалось единое Абхазское царство, добившееся политической независимости от Византии [4, с. 6]. Население страны состояло из родственных древнеабхазских племен, объединение которых в рамках одного государства привело к генезису единой абхазской этнической общности. Расцвета Абхазское царство достигло к X в.: в его состав входили территории современной Западной, Южной и ряд районов Восточной Грузии, а также черноморское побережье нынешнего Краснодарского края. В XI в. Абхазское царство становится политическим фундаментом для нового государства средневекового Кавказа – Царства абхазов и картлийцев, которое просуществовало до XIII в. На месте распавшегося грузино-абхазского государства возникло множество политически независимых друг от друга грузинских княжеств и царств, а также Абхазское княжество, которое просуществовало до середины XIX в., когда оно было инкорпорировано в состав Российской империи [8, с. 20].

Таким образом, абхазская государственность, зародившаяся в раннем средневековье, видоизменяясь, но не прекращая своего существования, «дожила» до середины XIX в. Абхазское княжество, формально оказавшись в границах Российской империи в 1810 г., вплоть до 1864 г. сохраняло фактическое самоуправление, только тогда княжеская власть была ликвидирована, и Абхазия была включена в систему российского имперского административно-территориального управления в виде Сухумского отдела [8, с. 20].

После революционных событий 1917 г. в Абхазии предпринимались попытки возрождения государственности в лице Горской Республики, однако дальше формально-декларативных начинаний ничего не удалось осуществить, поскольку уже в 1918 г. территория страны была оккупирована войсками буржуазной Грузинской Демократической Республики. С победой в 1921 г. на территории Абхазии советской власти провозглашена независимая Советская Социалистическая Республика Абхазия, и что интересно, через два месяца ревком Грузии признал независимость Абхазии [7, с. 17].

Государственно-правовой статус Абхазии в период советского этапа исторического развития неуклонно понижался, что являлось исключением из общей схемы национально-государственного строительства в СССР: большинство советских национальных автономий, наоборот, повышали свой статус. Уже к концу 1921 г. Абхазия заключила с Грузией особый союзный договор, передавая последней часть суверенитета. Абхазия стала официально именоваться Договорной Советской Социалистической Республикой [2]. Кроме Абхазии такого статуса в границах СССР не имело ни одно другое государственное образование. В 1931 г. статус Абхазии был понижен уже до автономной республики, непосредственно входящей в состав Грузии, такое положение дел существовало до распада Советского Союза.

Южная Осетия получила самостоятельную государственность в ходе советизации Закавказья в виде Юго-Осетинской Автономной Области в составе Грузинской ССР. 20 апреля 1922 г. декретом Всегрузинского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Грузинской ССР по национально-государственному размежеванию Закавказья была создана Юго-Осетинская автономная область [10, с. 56]. Следует заметить, что, несмотря на географическое и административное разделение, в обеих

частях Осетии живет единый народ с общей культурой и говорящий на одном языке. Разделение же в 1922 г. можно расценивать как искусственный политический шаг советского руководства, сделанный без какого-либо учета мнения самих осетин. По этому решению Северная Осетия была отнесена к России, а Южная Осетия – к Грузии. При этом автономия Южной Осетии в течение всего советского времени носила номинальный характер. Грузинское руководство проводило в автономии ассимиляторскую политику – осетин вынуждали в документах изменять свою национальную принадлежность, осетинские географические названия заменялись грузинскими и т. д. В современном мире Россия и Грузия являются суверенными государствами с весьма натянутыми взаимоотношениями, осетины же при этом оказались по разные стороны государственной границы.

Именно в первые годы советской власти были заложены основы конфликта, приведшего к самоопределению югоосетинского народа, реализовавшего право иметь собственное государство, так как Южная Осетия была передана в состав Грузии волевым путем. Однако досоветская история знала единую осетинскую государственность – Аланию, наследниками которой могут считать себя и граждане Южной Осетии. На протяжении своей истории осетинский народ испытал и времена бурного расцвета, усиления мощи и огромного влияния в VI–XI вв., и почти полного катастрофического истребления во времена монголо-татарских нашествий в XII–XIV вв.

После поражения Турции в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Влияние России в регионе заметно возросло и она начала проявлять решительность в осуществлении своих колониальных целей на Кавказе. Вслед за заключением Кучук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. было принято решение о присоединении Осетии к Российской империи [3, с. 143]. Однако административное подчинение Осетии поначалу носило формальный характер, и ее население еще долгое время продолжало сохранять независимость от российской администрации. В целом же присоединение к России отвечало национальным интересам Осетии. Оно приближало решение таких важных вопросов, как переселение жителей на предгорные равнины, обеспечение внешней безопасности и установление торговых отношений с Россией.

Территория Нагорного Карабаха в античную эпоху была частью государства Великая Армения. Особенность развития нагорно-карабахской государственности заключается в том, что современная Нагорно-Карабахская Республика как самостоятельное этнически армянское государственное образование не существовало, но в то же время Карабах имел опыт досоветской государственности – тюркское Карабахское ханство в XVIII – начале XIX вв., правда, находившееся в вассальной зависимости от Персии [9, с. 7]. Поэтому было бы неэтично рассматривать Карабахское ханство как некий исторический прообраз современной армянской нагорно-карабахской государственности, зародившейся лишь в 1923 г. в виде Нагорно-Карабахской автономной области в составе советского Азербайджана.

В карабахской политической историографии сложилась еще одна позиция, сторонники которой считают Нагорный Карабах в государственном плане правопреемником Кавказской Албании [9, с. 5].

В период советизации Закавказья в 1920–1921 гг. территория Нагорного Карабаха оставалась спорной между Арменией и Азербайджаном. Советское правительство, в то время активно сотрудничавшее с кемалистской Турцией, оставило Карабах в составе Азербайджана: кемалистский режим воспринимался тогда как форма экспорта антиимпериалистической революции в мусульманском мире. Геополитический вес Армении не шел ни в какое сравнение с мусульманской солидарностью с советской Россией. В итоге политические процессы, связанные с развитием государственности в Нагорном Карабахе, стали зависимыми от политической конъюнктуры, и он остался в составе Азербайджана. Однако, реализуя принцип национального самоопределения, в 1923 г. Нагорному Карабаху был предоставлен статус автономной области в составе Азербайджанской ССР [9, с. 11].

Этот статус сохранялся за ним на протяжении всего советского периода.

Таким образом, изучение политической истории показывает, что все, без исключения постсоветские непризнанные государства имели исторический опыт самостоятельной государственности в различные исторические периоды и в различных политических формах. Кроме того, анализ событий, предшествующих и сопутствующих распаду Советского государства, показывает, что политические обстоятельства складывались таким образом, что народы, провозгласившие независимость вне рамок союзных республик, к которым они были «предписаны», на рубеже 80–90 годов XX в. были поставлены перед выбором: либо самостоятельная государственность и борьба за независимость, либо дискриминация вплоть до ее самой крайней формы – геноцида.

История становления и развития на постсоветском пространстве непризнанных государственных образований напрямую связана с вопросом о праве народа или нации на самоопределение, поэтому проблему непризнанных государств следует оценивать с точки зрения возможности развития народов или наций, их населяющих. В этой связи нельзя не согласиться с тезисом, выдвинутым Т. М. Шамбой и А. Ю. Непрошиным – авторами книги «Абхазия: Правовые основы государственности и суверенитета» – о том, что если имеются все необходимые условия для собственного развития, то вопрос национальной государственной независимости, самоопределения не возникает. В условиях же, когда развитие народа ограничено действиями иного государства (оккупация или аннексия) или в результате диктата большинства народа, представляющего другой этнос, тем более, если это большинство (как это имело место, например, в Абхазии) создано искусственно, встает вопрос о праве народов и наций на самоопределение, и в этом случае его постановка является правомерной [11, с. 170]. События политической истории, спровоцированные распадом социалистических федераций, в т. ч. СССР, и связанные с возникновением в последнем десятилетии XX в. новых независимых государств, ярко свидетельствуют о действительности этой закономерности общественно-политического развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас. Приднестровская Молдавская Республика. История. – Бендеры : Полиграфист, 2005. – 64 с.
2. Багапш Н. В. Модели этнодемографического развития непризнанных международным сообществом государств на территории постсоветского пространства [Электронный ресурс / Н. Багапш] // Бюллетень ВИУ. – 2010. – № 32. – Режим доступа : <http://www.viu-online.ru/bjulleten-viu/articles/bjulleten-viu-32-2010.html>
3. Блиев М. М. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. / М. М. Блиев, Р. С. Бзаров. – Владикавказ : Ир, 2000. – 354 с.
4. Воронов Ю. Н. Древняя Ассирия / Ю. Н. Воронов. Сухум : Алашара, 1998. – 336 с.
5. Драгнев Д. М. История Молдавской ССР / Д. М. Драгнев, П. В. Советов. – Кишинёв : Лумина, 1986 – 224 с.
6. История Молдавской ССР / Под ред. Д. Е. Шемякова. – Кишинёв : Лумина, 1983. – 176 с.
7. Лакоба С. З. Абхазия после двух империй / С. З. Лакоба. – М. : Материк, 2004. – 208 с.
8. Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии / С. З. Лакоба. – Сухуми : Алашара, 1990. – 154 с.
9. Нагорный Карабах. Историческая справка / Под ред. Г. А. Галоян, К. С. Худавердян. – Ереван : Издательство АН Армянской ССР, 1988. – 96 с.
10. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004) / А. А. Цуциев. – М. : Европа, 2006. – 200 с.
11. Шамба Т. М. Абхазия: Правовые основы государственности и суверенитета / Т. М. Шамба, А. Ю. Непрошин. – М. : ООО «Ин-Октаво», 2005. – 240 с.